

лишь идея добра и справедливости, онъ хотѣлъ связать ее съ тѣмъ универсальнымъ источникомъ добраго и разумнаго, которымъ однимъ должно биться въ жизни человѣческое сердце. Поле дѣятельности милосердія и любви передъ нимъ широко было открыто и тогда, когда онъ метался въ пустотѣ и сомнѣніи:—нужно ли жить, когда въ жизни такъ пусто,—и когда онъ приготовилъ веревку и боялся взглянуть на ружье. *Очевидно, добро само по себѣ въ предѣлахъ интересовъ и дѣлъ человѣческой жизни удовлетворить его не могло.* Ему нужно было расширить цѣли человѣческой жизни до безпредѣльности и самое добро, самое служеніе людямъ любовью сдѣлать только средствомъ высшаго роста души и единенія людей въ высшемъ ихъ духовномъ осуществленіи.

Поэтому-то послѣднимъ словомъ Толстого было слово мистика, и это слѣдуетъ признать не изъ пристрастія къ опредѣленному міросозерцанію, а какъ фактъ, подтверждаемый жизнью и творчествомъ писателя.

Вліяніе его художественно-философскихъ и религіозныхъ сочиненій увеличивается сдѣлавшейся достояніемъ исторіи картиной его пророчески мощной духовной алчбы, силой его бурныхъ метаній и мученій, выбросившихъ, какъ буря съ морского дна, жемчужину его религіознаго утвержденія.
